

СМЕРШ

СМЕРШ в БОЮ

Подвиги сталинских «волкодавов»

Евгений СУХОВ

СМЕРЬ

**Агент
немецкой разведки**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С91

Сухов, Евгений.
С91 Агент немецкой разведки / Евгений Су-
хов. — Москва : Эксмо, 2025. — 288 с. —
(СМЕРШ в бою. Подвиги сталинских «волко-
давов»).

ISBN 978-5-04-228689-6

1943 год. Младший лейтенант Егор Ивашов назна-
чен оперуполномоченным контрразведки СМЕРШ в
одну из частей Воронежского фронта. Накануне мас-
штабного наступления советских войск необходимо
выявить и обезвредить действующую в нашем тылу
немецкую шпионскую сеть. Но для начала Ивашов бе-
рется выяснить обстоятельства странной гибели своего
предшественника. Считается, что тот погиб по неосто-
рожности, но Егор уверен: это дело рук агентов абвера.
Только вот кто они?.. Молодой оперативник начинает
поиск врага, не замечая, как с каждым шагом рассле-
дование приближается к неожиданной и страшной
развязке.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-228689-6

© Сухов Е., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Глава 1

В ДОБРЫЙ ПУТЬ!

— Сержант, до поселка Кияница не едешь, случаем?

Усатый водитель полуторки с затертыми сержантскими погонами и в выцветшей едва не до белизны гимнастерке глянул на спросившего. Простоватого вида парень лет двадцати одного — двадцати двух, крепенький, голубоглазый и задиристо-курносый, вопросительно смотрел прямо в глаза сержанту. Новенькие погоны младшего лейтенанта, отглаженная чистенькая форма и тощий вещмешок, болтавшийся за плечами, выдавали в нем недавнего курсанта. И если бы не медаль «За отвагу» с полуистертой муаровой лентой, младшего лейтенанта вполне можно было бы принять за простоватого, не нюхавшего пороха новобранца, впервые попавшего в прифронтовую полосу.

— Ну, еду, — ответил сержант.

— Меня прихватишь?

— Это как майор скажет...

— А где он?

— Да вон идет, — повел сержант подбородком в сторону двухэтажного здания без крыши, на первом этаже которого расположился эвакуационный госпиталь.

Младший лейтенант повернул голову и увидел подходящего к полуприцепу коренастого крепкого майора.

— Младший лейтенант Ивашов! — как и положено, начал по форме курносый. — Разрешите обратиться?

— Обращайтесь, — разрешил майор, с интересом глянув на подошедшего.

— Вы ведь до Кияницы едете... Не возьмете меня?

— Садись! — кивнул майор. — Только дороженька туда — аховая, танками вся разворочена. Так что держись крепко!

— Спасибо, — улыбнулся младший лейтенант и одним рывком закинул натренированное легкое тело через неоткидные борта полуприцепки.

Зарывав, машина тронулась. Устроившись на дощатый пол кузова, поближе к кабине, и все равно подсакивая на кочках и выбоинах некогда асфальтовой дороги, младший лейтенант стал смотреть по сторонам...

Город Суджа понемногу остывал от боев (прошло уже четыре месяца, как его отбили в ходе харьковской наступательной операции силами Воронежского фронта), постепенно налаживалась гражданская жизнь. Проехали мимо восстанов-

ленной водокачки, немного в стороне от которой работал кирпичный завод, а из-за развалин проглядывал пивной ларек. Далее дорога лежала через центр, основательно разрушенный. Отступая, не иначе как в бессильной ярости, в начале марта сорок третьего года, то есть почти четыре месяца назад, фрицы взорвали здания средней школы, райисполкома, Троицкий храм, маслозавод и несколько каменных жилых домов. Многие дома попросту сгорели, подоженные отступающими вместе с немцами полицией. Педучилище, больница с пастеровской станцией и санбаклабораторией, большая библиотека, где ранее размещался дом призрения, две аптеки, почтовое отделение, мельница, построенная еще лет двести назад, и несколько десятков жилых домов превратились в головешки и обугленные остовы, мало похожие на бывшие строения.

Проехали мимо сгоревшего склада-зернохранилища. Возле него сосредоточенно копошились люди с котелками и мятыми кастрюлями, разгребая головешки и пепел в надежде найти под обуглившимся верхним слоем горсть-другую уцелевшего зерна. На куске спасшейся стены, торчащей как клык в беззубом старческом рту, висела покосившаяся и почерневшая табличка: «ул. *К. Либкнехта*».

А вот потянулся городской парк. Он скорее был похож на запущенную подоженную свалку с выросшими среди груд мусора деревьями. В нем,

по всей видимости, еще долго не будет танцев под духовой оркестр, а в летнем кинотеатре, превратившемся в груду головешек, еще не скоро начнут вновь крутить любимую публикой картину «Волга-Волга».

Зрелище, представшее взору младшего лейтенанта Ивашова, было весьма неприглядным и удручающим.

Наконец выехали из города. Проехали примыкающую к нему слободу, тоже изрядно разоренную, с несколькими уцелевшими среди пепелища зданиями. Дорога стала петлять, дважды пришлось объезжать по полю большие воронки от гаубичных снарядов, где полуторка часто буксовала, а пару раз вообще едва не застряла. И только километров через десять дорога выровнялась и убежала по прямой до самой Юнаковки. Транспорта навстречу попадалось мало: за всю дорогу проехал один «Виллис» да несколько полуторок и «трехтонок». Зато в направлении Кияницы одна за другой следовали крытые грузовики. Были среди них и наши «трехтонки», и мощные американские трехосные «Студебеккеры», на которые вместо положенных двух с половиной тонн грузили все три, а то и более, и «Доджи», на которые вместо трех четвертей тонны грузили полную тонну плюс цепляли пушку или прицеп с боеприпасами весом тонны в полторы-две.

После Юнаковки дорога снова начала петлять, будто бы спьяну, до самого поселка Марьино.

А потом пару километров — и Кияница. Село, которое больше походило на солдатский бивуак, нежели на бывшее волостное поселение.

На въезде в село стоял контрольно-пропускной пункт, запирающий дорогу полосатым столбом. К нему выстроилась очередь из нескольких десятков машин. Младший лейтенант Ивашов не стал дожидаться, когда их полуторка займет место у пропускного шлагбаума. Он спрыгнул на землю, размял ноги и спину после почти полтора часового подскакивания на заднице с маятниковым качанием из стороны в сторону, поблагодарил майора и сержанта, что подбросили до места, и потопал пешочком, обходя крытые брезентом грузовики.

На КПП у него потребовали предъявить документы. Какой-то долговязый старший лейтенант из комендантской роты долго читал воинское предписание, и еще дольше — военный билет, шупая его пальцем, поглаживая и что-то высматривая. Верно, наличие тайных знаков, которые у документа, несомненно, имелись.

Наконец старлей с явным сожалением вернул документы младшему лейтенанту Ивашову:

— Проходите...

— А как пройти в штаб дивизии, не подскажете? — нахально спросил Егор Ивашов, вместо того чтобы поскорее распрощаться со старшим лейтенантом, пока он не привязался еще к чему-либо, например, к тому, чтобы предложить

показать содержимое вещевого мешка. Обыскивать офицеров без достаточных на то оснований военная комендатура не имела права, а вот попросить добровольно развязать вещмешок — почему нет? Кто же посмеет отказать?

— Ступайте прямо, увидите двухэтажное здание с башенкой, это и будет бывший дворец Лещинских, а сейчас штаб дивизии, — с неохотой ответил старший лейтенант и отвернулся, показывая, что разговор закончен.

Башня дворца была видна, наверное, с любой точки села и служила хорошим ориентиром. Возможно, именно по этой причине и уцелела.

Ивашов, уступая дорогу «Студебеккерам» и трехтонным «ЗИСам» с фанерной кабиной, пошел дальше, держа направление на башенку. Скоро показался весь дворец, с большой натяжкой отвечающий этому слову. Вот в Москве дворцы, это да! Дворец князя Гагарина, например, или Слободской дворец, не говоря уж о Петровском путевом дворце. Впрочем, для села двухэтажное каменное здание о семи окнах по фасаду иначе чем дворцом и назвать-то было нельзя...

Младший лейтенант Ивашов прошел к зданию по запущенной парковой аллее, уважительно обошел несколько «Виллисов» и черную «Эмку», поднялся по ступеням на центральное крыльцо с облупившимися колоннами и, козырнув неподвижно стоявшему часовому, вошел внутрь. Спро-

сил дежурного офицера, как найти дивизионный отдел контрразведки.

— Второй этаж, вторая и третья двери направо. Да там написано...

Егор поблагодарил и стал подниматься на второй этаж по парадной лестнице, очень внушительной, с изысканно-изящными перилами из розового мрамора, чего спускающиеся и поднимающиеся по ней офицеры уже давно не замечали.

В отличие от первого этажа, где сохранились огромные залы, помещения на втором этаже были переоборудованы в небольшие комнатки. Верно, после того, как дворец отобрали у хозяев, здесь устроили школу, а теперь в бывших классных комнатах размещались различные службы 167-й стрелковой дивизии.

На юго-западной части Курской дуги, в частности на Сумском направлении участка Воронежского фронта, где стояла 167-я стрелковая дивизия, с марта месяца образовалась затянувшаяся оперативная пауза. Обе стороны сосредоточенно набирали силы: немцы со своими союзниками доукомплектовывали полки, принимая пополнение, скрытно перегруппировывались, укрепляли линию обороны, советская сторона принимала полки, прибывшие с Урала и Сибири, инженерные подразделения в спешном порядке строили и тянули коммуникации, подтягивали тылы. По активности на линии разграничения было

видно, что наступившим летом начнется сражение, которое может коренным образом повлиять на весь дальнейший ход войны. И Егор Ивашов был очень доволен назначением в эту дивизию именно сейчас, когда на фронте стояло затишье: будет время разобраться, что к чему, и войти в колею...

*«Начальник ОКР СМЕРШ
майор Стрельцов Г.Ф.»*

Эта табличка висела на третьей двери справа. Ивашов постучал и, дождавшись разрешения, открыл дверь:

— Разрешите войти?

— Входите, — последовало разрешение.

— Товарищ майор, младший лейтенант Ивашов прибыл для дальнейшего прохождения службы.

— Садитесь, товарищ младший лейтенант. Как ваше имя-отчество?

— Егор Фомич. Вот мои документы.

Начальник дивизионного отдела контрразведки СМЕРШ майор Стрельцов принял из рук младшего лейтенанта удостоверение личности, военный билет, временное удостоверение о награждении медалью «За отвагу» (не в Кремле вручали, а на передовой) и несколько сложенных вчетверо листочков с просвечивающимися печатями. Он внимательно осмотрел все документы, выбрал из небольшой стопки папок на столе темно-зеленую с наклеенной на ней осьмушкой

бумаги с именем и фамилией Ивашова, развязал тесемки и раскрыл. Егору, механически следившему за действиями майора, бросилась в глаза его собственная фотография, сделанная еще в бытность его рядовым погранзаставы под Перемышлем, где он в хлопчатобумажной гимнастерке с полевыми петлицами и едва отросшими после стрижки под машинку волосами.

— Я тоже Фомич, — медленно произнес майор Стрельцов, слегка улыбнувшись и один за другим перекладывая листочки в папке. — Только зовут Георгием, — добавил он. — Значит, вы окончили курсы подготовки оперативного состава?

— Так точно, — сделал попытку приподняться со стула Ивашов, но был остановлен жестом начальника контрразведки дивизии. — Только они лишь вначале назывались курсами, а потом стали называться школой ГУКР НКО СМЕРШ.

— И сколько вы там обучались?

— Три месяца.

— А потом сразу были направлены в действующую армию?

— Так точно!

— Ваша школа была под Жуковском?

— Именно так, товарищ майор.

— Кажется, начальником школы в ней был генерал Голицын?

— Он самый.

— Что вы о нем слышали?

— Рассказывали, что он будто служил в контрразведке царской армии. Во всяком случае, всегда ходил при царских орденах.

— Все так... Я тоже имел честь быть с ним знакомым. И генерал Голицын не просто служил в царской армии, а был одним из руководителей контрразведки. Товарищ Сталин лично пригласил его, чтобы он организовал и наладил у нас военную контрразведку по принципу царской армии. Он из князей, из тех самых, но это неважно... Потому что родина у нас одна, и совершенно не имеет значения, у кого какие погоны: царские или советские.

Георгий Фомич вновь углубился в содержимое папки. Было ему лет под сорок, сразу видно, дядька серьезный: во вдумчивом взгляде, в четко произносимых словах и неторопливых движениях чувствовались некая основательность и большой профессиональный опыт. «Похоже, повезло мне с начальником», — подумалось вдруг Ивашову.

— Вы пока ехали, осмотрелись?

— Все разбито, товарищ майор.

— Да, это так, — невесело согласился Стрельцов. — А еще немцы оставили у нас в тылу свою агентуру, и нам предстоит ее выявить. Уверяю вас, работы будет много, а штата, как всегда, не хватает. Вот буквально три дня назад выявили абверовского радиста. Регулярно передавал в центр метеосводки... Вот что, товарищ младший лейтенант Ивашов, — возвращая Егору документы и

закрывая папку, продолжил официальным тоном майор, — вы командуетесь оперуполномоченным контрразведки СМЕРШ Государственного комитета обороны в 520-й стрелковый полк, расквартированный в деревне Пушкаревка. Это в семи километрах от нас... В вашем распоряжении сержант Масленников Федор Денисович из взвода управления первого батальона и бывший ординарец вашего предшественника рядовой Андрей Зозуля. Это, так сказать, ваш отдел контрразведки полка. Юридически вы на службе в отделе контрразведки дивизии и подчиняетесь непосредственно мне, но это не значит, что вы в полку абсолютно независимая единица. — Он очень серьезно посмотрел на младшего лейтенанта. — Вы ни в малейшей степени не должны противопоставлять себя другим офицерам полка, как это не столь уж и редко делал ваш предшественник. Внутренний распорядок полка в должной мере касается и вас. Находясь в полку, вы живете его жизнью. В противном случае вам очень трудно будет исполнять свои обязанности. Вы ведь знаете, что поимка диверсантов и изобличение вражеских разведчиков — работа эпизодическая, она может случиться, а может и нет, поэтому на девяносто процентов служебного времени ваши обязанности будут заключаться — и должны заключаться — в агентурно-оперативном обслуживании полка, к которому вы прикомандированы. А иначе как вы без агентурного аппарата будете

разыскивать предателей и неблагонадежных лиц? Как будете разоблачать членовредителей? Как узнаете, кто в вашей части чем дышит, какие связи имеют военнослужащие вашего полка с гражданским населением и что представляет собой это население? Ведь для проникновения в военную среду противник весьма охотно использует гражданских лиц... Все или почти все, что вам положено знать, узнается через агентуру и осведомителей. А их у вас почти не будет, если вы устранились от общей жизни полка... Вот мой совет: будьте дружелюбны, доступны, и люди это оценят.

Майор Стрельцов снова внимательно посмотрел на младшего лейтенанта и, увидев в его глазах понимание, замолчал. В конце концов, все, что он говорит и еще может сказать, оперуполномоченный контрразведки Егор Фомич Ивашов, как окончивший курсы СМЕРШ, знает и сам...

— Разрешите вопрос, товарищ майор, — неожиданно попросил младший лейтенант.

— Задавайте.

— А мой предшественник... Его убили?

— Старший лейтенант Василий Иванович Хромченко погиб при невыясненных обстоятельствах, — ответил Стрельцов, слегка нахмурившись.

— Простите, товарищ майор, а каких именно?

Начальник отдела контрразведки дивизии с интересом взглянул на младшего лейтенанта:

— Вижу перед собой оперативника... Он погиб от неосторожного обращения с оружием. Так гласит официальная версия.

— А была и неофициальная?

— Была, — нехотя проговорил майор, — что он застрелился. Но эта версия не нашла поддержки у следствия.

— А когда погиб Хромченко?

— Три... Да, три недели назад, то есть восьмого июня. От нас на место выезжал следователь Кожевников, приезжал военный прокурор, по факту гибели Хромченко проводилось следствие. Все, как и положено в подобных случаях. Следствие пришло к выводу, что смерть старшего лейтенанта Хромченко произошла по причине неосторожного обращения с оружием.

— Такое случается, — заметил Ивашов.

— Случается, особенно на войне, — согласился Стрельцов. — Еще вопросы имеются? — поинтересовался он.

— Так точно. Как мне в полк попасть, в деревню эту... Пушкаревку?

— Завтра ближе к полудню в полк из штаба дивизии поедет нарочный с пакетом. На мотоцикле. Он тебя захватит, — перешел на «ты» Георгий Фомич, — я распоряжусь.

— А если все-таки сегодня? — спросил Егор.

— А если ты хочешь попасть в полк сегодня, то придется тебе пройти пешком, — одобри-

тельно посмотрел на Ивашова майор. — Обойдешь пруд, потом через каменный мост — и по грунтовке. Затем четыре с половиной километра лесом. Как лес закончится — покажется деревня Вакаловщина. Немцы ее дотла пожгли, так что не спутаешь... От Вакаловщины до Битицы еще километра полтора... А там и до Пушкаревки рукой подать. Дорога там одна, наезженная тягачами, не заплутаешь...

— Понял, товарищ майор, — поднялся со стула Ивашов. — Разрешите идти?

— Идите, — снова перешел на официальный тон начальник контрразведки дивизии. — Сейчас зайдите с вашим предписанием в канцелярию и финчасть, встаньте на денежное и пищевое довольствие, ну, а как оформитесь — в добрый путь!

Глава 2

НА ВОЛОСОК ОТ СМЕРТИ

Обогнув заболоченный по берегам пруд, Ивашов оглянулся. С этого места, в сравнении с соседними строениями, штаб дивизии смотрелся настоящим дворцом, а разбитый вокруг него парк, пусть и неухоженный, неприбранный, с заросшими тропинками, придавал двухэтажному строению некую значимость и даже величественность.

Он прошел древний каменный мост и ступил на глиняную грунтовку, которая только своим

названием оправдывала наименование дороги. На самом деле это была сплошная непросыхающая лужа, которую пришлось обходить по высокой запыленной траве. Невдалеке корабельными мачтами возвышался сосновый лес, и более или менее сносная дорога началась лишь тогда, когда Егор вступил в начавшийся перелесок.

Мысли у младшего лейтенанта были самые разные.

Как-то будет на новом месте? Как у него сложатся отношения с людьми? Ведь оперуполномоченные СМЕРШ — это прямые преемники сотрудников военной контрразведки Особых отделов НКВД. А «особистов» в армии не любили, относились с опаской и предпочитали обходить стороной...

И еще: с чего начинать работу в полку?

Нет, чем заниматься и как, Егор Ивашов знал прекрасно. Его этому учили на курсах. Да и практический опыт имелся достаточный — служба в погранвойсках НКВД предполагала выполнение схожих задач: борьба со шпионами, диверсантами, полицией и бандитскими формированиями и их уничтожение. Правда, выявляли их другие люди, а он, вначале рядовой, а в конце сорок второго года уже сержант Ивашов, лишь исполнял приказания командиров.

Теперь же все придется организовывать самому: и выявлять, и приказывать, и проводить оперативные мероприятия...

Перелесок скоро потемнел, а потом и вовсе переродился в настоящий густой лес. День клонился к закату, и солнечные лучи уже не пробивались через деревья, освещая дорогу.

Егор прибавил шагу, чтобы успеть засветло прибыть в расположение полка. Он прошел уже больше половины пути к Вакаловщине, когда увидел в придорожном пролеске немецкий полугусеничный бронетранспортер «Ханомаг» с разбитой гусеницей и закопченным от дыма броневым корпусом. Видимо, бронетранспортер подбили партизаны, а когда сюда пришла Красная армия, «Ханомаг» тягачами просто столкнули с дороги на обочину к лесу, чтобы не мешал движению. Пулемет с него сняли вместе с защитным щитом, а все остальное оставили до лучших времен: не запирает дорогу, и ладно. А там на переплавку пойдет.

Егор отошел от бронетранспортера метров на сто пятьдесят, когда вдруг почувствовал неясную тревогу. С каждым шагом необъяснимое чувство опасности возрастало, а он привык к нему прислушиваться.

Ивашов замедлил шаг и расстегнул кобуру.

Осторожный шаг, еще такой же бережный...

Стояла неправдоподобная тишина, словно в уши забили вату: ни шороха листьев на ветру, ни пиликанья лесных птиц. И было слышно, как громко бьется собственное сердце.

Что это? Кажется, хрустнула сухая веточка недалеко от придорожных кустов. В иное время